

- Ленинградский университет 1945 – Ленинградский университет. 1819–1944. М., 1945.
- Мень* 1991 – *Мень А.В., протоиерей*. Таинство, слово и образ. Л., 1991.
- Норов* 1840 – *Норов А.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Авраама Норова, служащее дополнением к путешествию по Святой Земле. СПб., 1840.
- Павлов* 1995 – *Павлов А.П.* Храмы Санкт-Петербурга. Художественно-исторический очерк. СПб., 1995.
- Повесть временных лет 1996 – Повесть временных лет. Литературные памятники. РАН / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.
- Рафалович* 1850 – *Рафалович А.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850.
- Редя* 1984 – *Редя М.М.А.* "Описание России" Шейха Тантави как памятник арабской литературы XIX века. Дис. ... к. фил. н. Л., 1984.
- Скляревская* 2000 – *Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
- Фадеева* 1993 – *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М., 1993.
- Федосюк* 2003 – *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 7-е изд. М., 2003.
- Шейх ат-Тантави* – *Шейх ат-Тантави*. Подарок смышленным с сообщениями про страну российской // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Фонд собрания Крачковского. Рук. № 49.

M. V. M i n t s. Sheikh Tantavi on the Russian Orthodox Tradition (Drawn on Materials of the "Description of Russia" Treatise)

The article is a venture into an exploration of a unique text by Egyptian scholar Tantavi who had spent a third of his life working in Russia. The text, which entitled "The Description of Russia", is currently located at the manuscript department of the Russian National Library in St. Petersburg and manifests, as the author notes, the only example of nineteenth-century Arabic literature presenting a detailed account of the history, culture, and religion of nineteenth-century Russia.

ЭО, 2009 г., № 2

© М. Л. Бутовская, В. Н. Буркова

ЦЕРЕМОНИИ ВКЛЮЧЕНИЯ И ОТДЕЛЕНИЯ РЕБЕНКА КАК ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА У ДАТОГА СЕВЕРНОЙ ТАНЗАНИИ¹

Роды и обряды, сопряженные с включением ребенка в группу, – практически универсальное явление во всех человеческих обществах (*Тейлор* 1939; *Токарев* 1967; *Ван Геннеп* 2002). Особое внимание к соблюдению правил поведения матерью и ее ближайшим окружением отражает сакральные представления о родстве между людьми как о связи между миром живых и умерших (*Этнография детства* 1983, 1988, 1992; *Чибиров* 2008: 261). Обряды жизненного цикла, связанные с рождением ребенка, обнару-

---

Марина Львовна Бутовская – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: m.butovskaya@rambler.ru

Валентина Николаевна Буркова – аспирант Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: m.burkova@rambler.ru

живают исключительную живучесть: в редуцированном и несколько трансформированном виде они продолжают сохраняться в постиндустриальных культурах в виде стереотипов, сущность которых для многих наших современников представляется весьма туманной.

Таинство феномена новой жизни не могло не поражать воображение первобытного человека, и вполне естественными на этом фоне видятся различные магические обряды и табу. Наряду с этим нельзя сбрасывать со счетов и прагматические аспекты самого процесса деторождения и выживания ребенка в первые месяцы жизни, поскольку, младенческая смертность в традиционных обществах охотников-собирателей, скотоводов и земледельцев исключительно высока (*Blurton Jones et al. 2002; Bergerhoff Mulder 1992; Gibson, Mace 2005; Strassman 1997*).

Цель данного исследования – описать и проанализировать ритуалы, связанные с рождением ребенка и его последующим включением в группу у датого, скотоводов Северной Танзании².

Общие характеристики датого

Датого (татого, мангати, барабайг) – нилоты, говорящие на языке шари-нильской группы нило-сахарской языковой семьи (*Калиновская 1998: 383*). В подавляющем большинстве они продолжают придерживаться традиционных верований, несмотря на многолетние усилия миссионеров различных конфессий. Основное занятие датого – скотоводство. Они держат крупный рогатый скот – зебу, а также овец, коз и ослов. Колониальные власти, равно как и постколониальное независимое правительство, относились с недоверием ко всем скотоводам, считая их агрессивными, плохо контролируемыми и не поддающимися цивилизации (*Rekdal, Blystad 1999*). В глазах власть предержащих кочевой образ жизни, частые набеги с целью угона скота у соседей (датого находятся в состоянии перманентного конфликта с масаями и сукума), приверженность "традиционным" культам делали датого реальной угрозой для развития ряда регионов Северной Танзании.

Недоверие к официальной власти прочно закрепилось в этой культуре, в результате чего они отказались сотрудничать с правительством Ньерере в 60-е годы XX в., а в наши дни постоянно игнорируют многочисленные государственные указы Объединенной Республики Танзания, в том числе касающиеся практики женских обрезаний, образования детей, мирного сосуществования с соседними этническими группами и собственности на землю. Как следствие, сегодня датого являются маргинальной, стигматизированной группой, испытывающей социальную и политическую дискриминацию. В настоящее время правительство стимулирует эмиграцию земледельцев в районы традиционного проживания датого, лишая последних традиционных пастбищных угодий и доступа к водным ресурсам (*Lane 1991*). Датого – одна из беднейших скотоводческих групп Восточной Африки (*Sellen et al. 2000*), и экономическое положение ее продолжает ухудшаться. Под давлением обстоятельств, в условиях вытеснения в менее благоприятные экологические ниши, часть беднейших датогских семей вынуждена оставлять скотоводство и осваивать земледелие.

Выбор брачного партнера и рождение ребенка у датого

У датого сохраняется патриархальная расширенная семья и полигамные патрилокальные браки. Приобретая жену, мужчина платит родителям невесты выкуп скотом, а также может преподнести подарок в виде меда. Отчетливо выражена система возрастных классов и разделение труда между полами (*Калиновская 1995*). Наследование скота осуществляется по мужской линии. Традиционно только мужчины, принадлежащие к определенным возрастным классам, могут вступать в брак. Как правило, это

Гевай и его семья: тетя и три жены с детьми. Фото М.И. Драмбяна, 2007

происходит в достаточно зрелом возрасте, что, возможно, было в прошлом связано с воинскими обязанностями молодых мужчин. Сегодня возраст вступления мужчины в брак зависит от достатка семьи. По нашим данным в состоятельных семьях сыновья вступают в браки раньше, чем в бедных. Так, мы были свидетелями брака 18-летнего сына весьма состоятельного по меркам датогской культуры Гидобата клана Седоека.

Обращает на себя внимание тот факт, что до последнего времени датого крайне негативно относились к образованию, полагая, что навыки, приобретаемые в школе, не приносят ни малейшей пользы в хозяйстве. Поэтому, несмотря на состоятельность, жених, как и большинство детей из этой семьи, не посещал школу. У близких в культурном отношении масаев возраст вступления в брак больше зависит от образования, нежели от достатка семьи: юноши, имеющие хотя бы начальное образование, женятся раньше сверстников, не посещавших школу, но, как правило, предпочитают моногамный брак (*Hayase, Liaw 1997*). Выбор невесты преимущественно осуществляется самим мужчиной, но он должен быть санкционирован его родственной группой (прежде всего отцом).

Последнее слово в выборе мужа принадлежит родственникам девушки, однако, как показывают проведенные нами интервью с женщинами (всего было опрошено 105 респонденток в возрасте от 20 до 70 лет), во многих случаях выбор отца девушки падал на мужчину, с которым его дочь уже состояла в дружеских (а зачастую и в сексуальных) отношениях. Реже девушку выдавали замуж за малознакомого или вовсе незнакомого человека. Существенным аргументом в пользу заключения брака по инициативе родителей девушки являются экономические соображения (наличие скота), однако в тех случаях, когда выбор делали сами женщины, значение имели также личностные качества жениха (доброта, любовь к детям, низкая агрессивность и пр.). Так, все три жены хозяина "геда"³ из Эндиша, Гевая, сами

выбирали его в качестве мужа и основным критерием при этом служили именно его личные качества, а не материальный достаток (по меркам датога, Гевай небогат и его геда невелика).

Добрачный секс среди датога не приветствуется, хотя юноши и девушки могут состоять в дружеских отношениях и изъясняться друг другу в любви (мужчины слагают чудесные любовные баллады, прославляя возлюбленную, и убивают львов в ее честь). Секс, сопряженный с лишением девственности, находится под запретом. Старшие женщины объясняют девушке "правила чести" и недопустимость беременности до свадьбы. Если же такого рода запреты молодыми людьми нарушаются, то за этим неминуемо следуют штрафные санкции в отношении юноши и насильственная выдача замуж девушки (далеко не всегда в качестве мужа избирается ее молодой любовник). В наихудшем случае девушка не только лишается девственности до брака, но и оказывается беременной. Родившую вне брака женщину (*dorowaida*) и ее ребенка обычно отсылают к дальним родственникам (обычно это новообращенные христиане) на год и более. После этого молодая мать с новорожденным могут вернуться, а статус последнего будет зависеть от расположения к женщине ее близких родственников. В конечном итоге ребенок будет принадлежать к клану матери, хотя его "полноценный статус" будет все же зависеть от того, насколько родственники расположены к нему. К примеру, среди наших знакомых датога подобный инцидент завершился вполне благополучно для ребенка. Родной брат матери усыновил ее внебрачного сына и официально признал своим, дав ему клановое имя, а также некоторое наследство – нескольких коров, десятков коз и овец. Молодая женщина со временем вступила в брак. Внебрачный сын остался жить с бабушкой.

Наряду с другими традиционными культурами для датога типична высокая младенческая и детская смертность. Для датога характерна выраженная сезонность деторождений (*Borgerhoff Mulder* 1992): 44% всех рождений приходится на апрель–июль. Еще два небольших пика наблюдаются в октябре и январе. Из этого следует, что максимум зачатий приходится на июль–октябрь, а минимум – на ноябрь и февраль. Фертильность датогских женщин составляет в среднем 6,6 ребенка, с максимумом в 17 деторождений. 3% женщин, достигших менопаузы, по данным М. Боргерхоф Малдер, бесплодны. Средний интервал между родами $33,68 \pm 20,95$ месяца ($n = 278$). В случае смерти ребенка в первый год жизни этот интервал сокращается в среднем до 30,9 месяца. Вероятность выживания девочек несколько выше, чем мальчиков: в возрасте до года – 0,8 и 0,79 соответственно, причем первенцы умирают чаще, чем другие дети; в четыре года 0,74 и 0,70 соответственно, и к 15 годам – 0,7 и 0,65 (*Ibid*). В среднем менее 70% детей датога доживают до своего 15-летия.

Рождение ребенка у датога – важное событие в семье. По нашим данным, роды преимущественно проходят в комнате будущей матери. В это время ее муж не должен находиться рядом. Роженице могут оказывать помощь: мать мужа или ее собственная мать, другие жены, *seghueb* братьев мужа, сестры, бабушки или соседки. В исключительных случаях женщина рождает одна: две наши респондентки рассказали, что это произошло с ними потому, что они оказались дома одни, а позвать на помощь соседок не было времени. Начались схватки. При этом сам процесс родов происходит на кровати или на земляном полу. Роженица сидит, вытянув вперед и раздвинув ноги, а женщина-помощница поддерживает ее под спину и массирует ей плечи и поясницу. До настоящего времени подавляющее большинство женщин датога рожают дома. Как правило, за профессиональной помощью медиков обращаются лишь в экстремальных случаях, когда роды затягиваются или протекают аномально. Так, из 96 опрошенных нами женщин в возрасте от 17 до 80 лет, имеющих детей, лишь четверо сказали, что одного или нескольких детей рожали в госпитале.

Ритуалы включения ребенка в общество у датога

Ввиду высокой младенческой смертности значительное внимание к ритуалам включения ребенка в общество у датога и различные манипуляции с его телом для укрепления здоровья и повышения жизненной силы также выглядят весьма уместными. Ритуалы, направленные на манипуляции с последом и пуповиной, у датога тесно сопряжены с симпатической магией. Аналогично многим другим традиционным культурам связь между ребенком и этими предметами может определять его будущую судьбу. Благоприятный исход для ребенка возможен лишь при условии сохранности плаценты и пуповины. Исключительная забота о безопасности этих предметов, наблюдаемая среди датога в наши дни, вполне понятна, исходя из факта весьма высокой детской смертности у этой группы. По нашим наблюдениям, первенцы, прежде всего мальчики, окружены особенно пристальным вниманием и заботой со стороны матери и других родственников, и именно для них устраивают наиболее пышные церемонии выхода из дома с одариванием ритуальными атрибутами мужского статуса (копье, стрела, лук). Это внимание к мальчикам-первенцам также можно интерпретировать с позиций симпатической магии, поскольку как раз данная категория детей умирает чаще других в первый год жизни.

Роды у одной из наших респонденток были тяжелые из-за неправильного положения плода, и в виде исключения роженицу отвезли в госпиталь. (Подавляющее же большинство датогских женщин продолжают рожать дома, без какой-либо медицинской помощи.) Новорожденному, а им оказался мальчик, дали имя Подамани Киквете (имя президента Танзании), что по представлениям родственников должно благоприятно отразиться на его судьбе. По возвращении из госпиталя молодая мать постоянно находилась в доме и, как мы в дальнейшем убедились, продолжала соблюдать "затворничество" на протяжении двух месяцев и одной недели.

С роженицей могли контактировать женщины-родственницы и свойственницы, проживающие в данной геде, дети, а также "избранный круг" посетителей, к которому мы были причислены. В комнате роженицы находился очаг, о поддержании огня заботились несколько девочек в возрасте от 5 до 12 лет. Они ежедневно собирали хворост, подбрасывали ветки в огонь и следили за приготовлением пищи.

Когда наша группа появилась в геде Гидобата из клана Седоек, после нескольких месяцев отсутствия ее обитатели высыпали во двор и бурно выражали свою радость. Буквально в первый же час визита Удабунда, одна из жен хозяина, похвасталась, что стала бабушкой и у нее родился внук. Разумеется, мы проявили интерес к этому событию, благодаря чему и были приглашены в дом роженицы. Нас допустили не только в центральную гостевую комнату, но и в комнату с матерью и ребенком. Более того, пригласили сесть на кровать роженицы. При этом последняя не проявляла ни малейшего беспокойства, напротив, стала демонстрировать ребенка (раздела донага и позволила его осмотреть). Нам тотчас же дали подержать ребенка, что сопровождалось радостными комментариями хозяев. Именно в этот благословенный момент всеобщего расслабления и умиротворения мы и получили приглашение присутствовать на церемонии прижигания (*Бутовская и др.* 2008).

У датога Танзании обряды перехода, связанные с введением ребенка в начальный период жизни, продолжаются примерно 60 дней после его рождения. В исключительных случаях (когда женщина рождает вне брака или до вступления в брак) этот период может растягиваться на многие месяцы, порой до года. Изоляция женщины с ребенком в этом случае может рассматриваться как попытка ее родственников скрыть позорные факты внебрачной беременности.

Когда младенец появляется на свет, пуповину перерезают ножом, лезвием бритвы (предварительно прокалив их на огне) или острой палочкой. Чаще всего это делает не сама роженица, а повитуха. Но в ряде случаев пуповину может перерезать и новоиспе-

ченная мать. Церемониальное отсечение пуповины представляет собой важнейший обряд отделения ребенка от матери, широко распространенный у многих народов мира (*Ван Геннеп* 2002: 52). У датога, однако, отсутствует какая-либо половая дифференциация в использовании орудий для отсечения пуповины: для мальчиков и девочек используют один и тот же инструмент. В дальнейшем пуповина и послед являют собой предмет особой заботы. Причем манипуляции с ними несколько варьируют в зависимости от клановой принадлежности отца и матери новорожденного. У одних кланов принято закапывать послед и пуповину в комнате роженицы (в углу или под кроватью) или просто класть под кровать, у других – выносить в стойло и там зарывать в землю.

Несколько респонденток также рассказали, что сухую пуповину своих детей они вплели в бахрому традиционной кожаной юбки и так ходили до тех пор, пока бахрома не обрывалась. В обоих случаях в манипуляциях с пуповиной и последом легко усмотреть обряд "породнения", формирования устойчивой связи между новорожденным и его родственниками, включением ребенка в малую и большую семью (Там же). Вплетение пуповины в юбку матери может создавать магическую связь между матерью и ребенком, что усиливает жизненные силы последнего и дает больше шансов на выживание.

Вскоре после появления на свет младенца помощница обмывает новорожденного теплой водой и обтирает чистой кангой⁴. Женщины старшего возраста вспоминали, что при отсутствии чистой воды обмывали новорожденного свежей коровой мочой и обтирали мягкой шкуркой или же смазывали его тело коровьим маслом. Во всех случаях манипуляции с младенцем, по-видимому, носили не только гигиенические функции, но и представляли собой обряд очищения, отделения от матери.

Рождение ребенка воспринимается как праздничное событие. В его честь забивают корову, родственники и соседи собираются на трапезу. Таким образом, появление младенца на свет и отсечение пуповины является коллективным обрядом. Хотя ребенок и сама роженица на трапезе не присутствуют (они находятся в отдельном помещении), последняя получает символический дар – шкуру убитой коровы. Ее (шкуру) помещают сушиться на крыше дома роженицы, и в дальнейшем после тщательной обработки она служит в качестве покрывала для кровати.

Выйдя замуж, женщина переходит жить в геду мужа и оказывается в окружении его родственников (матери и жен его отца, сестер и братьев, жен братьев и пр.). Обращает на себя внимание теплое обращение свекрови с невесткой, равно как и ее участие (в качестве бабушки) в заботе о новорожденном. Удабунда была счастлива, что стала бабушкой и гордилась внуком. Она проводила много времени в комнате роженицы, ухаживала за ней и нянчила ребенка. Младшие дочери Удабунды (сестры мужа роженицы) постоянно заботились о чистоте помещения и очаге. Дружелюбная атмосфера, несомненно, способствовала хорошему внутреннему настрою роженицы и обеспечивала ей комфортное проживание вдалеке от ее собственных родственников.

У датога отсутствует какое-либо выраженное предпочтение, отдаваемое мальчикам, не описаны случаи селективного инфантицида или более заботливого обращения с ними, по сравнению с девочками. Смертность среди мальчиков во всех возрастах несколько выше, чем среди девочек. Поэтому рождение последних воспринимается как радостное событие и его отмечают так же, как и появление мальчика.

Существенную роль в выживании новорожденных играет изоляция роженицы с ребенком или ограниченный доступ к ней (как это наблюдается у датога). Традиции временного отделения роженицы от соплеменников можно наблюдать почти во всех традиционных обществах, что является важнейшим фактором социальной адаптации. У австралийских аборигенов, к примеру, "женщина в период беременности и в первое время после родов должна была соблюдать различные табу и совершать определенные обряды, чтобы магическим путем обеспечить здоровье младенцу. В некоторых

районах соблюдать аналогичные запреты и прибегать к сходным магическим приемам должен был также муж беременной женщины и отец новорожденного (*Артемова* 1992: 22).

Манипуляции с последом, пуповиной и первыми волосами, наблюдаемые нами у датога, описаны другими антропологами для традиционных обществ на всех континентах. Они основаны на анимистических представлениях о том, что душа ребенка служит легкой добычей для злых духов, потому что приходит из другого мира и еще не закрепились в новых условиях.

Защитить ребенка можно разными путями: нивхи давали новорожденному имя в первые дни жизни, потому что злой дух *милк* мог сделать это раньше и забрать его душу (*Таксами* 1988: 99); манси прятали послед в берестяную коробку и вешали около священных женских мест (*Федорова* 1988: 81). В их представлениях, "если эти вещи бросить где попало, то из них вырастет страшное существо, которое убивает людей (*паульверут*)" (Там же). Чтобы уберечь ребенка от козней злых духов, нанайцы внутри родильного шалаша и перед ним сжигали на больших кострах ветки и листья болотного багульника. Сама роженица меняла одежду (*Сем* 1988: 122). Осетины во избежание сглаза нарочно одевали детей в лохмотья, привешивали к колыбели или к одежде охранительные амулеты (*Миллер* 1926: 92–93). У оленных чукчей для защиты малыша практиковали обряд помазания кровью жертвенного оленя. "Мать с ребенком объезжала на детской нарте, запряженной одним оленем, вокруг яранги. Около жертвенного места, расположенного сзади яранги, оленя выпрягали и закальвали копыем. Старшая женщина, хозяйка яранги, наносила знаки помазания на лоб, щеки, подбородок ребенка. Кровью смазывали подмышки, промежность, суставы рук и носки детского комбинезона. Она же наносила знаки помазания на лицо матери и присутствующих членов семьи. После помазания ребенок находился уже под покровительством семейных предметов культа" (*Чесноков* 1988: 142).

Во многих традиционных культурах пуповине приписываются магические свойства. Это характерно для аборигенов Австралии, алтайцев, народов Северной и Южной Америки. Австралийские аборигены, например, кладут пуповину "в маленькую плетеную сумку, которую мать носит с собой, а затем передает ее близкому родственнику отца ребенка. Тот, в свою очередь, кладет ее в священную сумку *дилли*" (*Берндты* 1981: 108).

Представления о том, что детское место или пуповина являются живыми существами встречаются у многих народов мира (*Фрезер* 2006: 58). Так, по представлениям баганда Уганды, послед – двойник ребенка, а австралийские аборигены из Квинсленда верят, что в нем заключена часть души ребенка (Там же: 56). Наши информанты никогда не говорили, что это часть души ребенка, и нет никаких намеков на то, что они отождествляют этот предмет с живым существом. Вместе с тем то обстоятельство, что послед практически во всех случаях зарывают в стойле или в комнате роженицы, может опосредованно указывать на бытование такого рода представлений у датога в прошлом. Представляется, что выбор места погребения последа далеко не случаен.

Скот – основной источник благоденствия для датога, и от того, насколько хорошим пастухом (хорошей хозяйкой) станет ребенок, как успешно он/она будет заботиться о домашних животных, зависит процветание семьи. В этой культуре отсутствует специфический в отношении пола подход к выбору места захоронения детского места, как это описано в тех случаях, когда хозяйственная деятельность мужчин и женщин ориентирована на разные источники. К примеру, индейцы чероки зарывали пуповину девочки под ступой для зерна (чтобы женщина в будущем умела вкусно готовить), а пуповину мальчика вешали в лесу на дерево (чтобы он стал искусным охотником); аналогичным образом мексиканские индейцы в древности закапывали пуповину мальчика на поле битвы (чтобы он стал воином), тогда как пуповину девочки зарывали рядом с домашним очагом (Там же: 57).

Бережное отношение к ребенку и желание защитить его всеми способами (рациональными и сакральными) вполне объяснимы, учитывая высокий уровень детской смертности в традиционных обществах. У датога, к примеру, около 20% детей умирают, не достигнув 5-летнего возраста.

Церемония прижигания как важнейшая веха жизненного цикла у датога

Рассмотрим теперь церемонию прижигания, являющуюся одной из основных церемоний жизненного цикла у датога, и проследим, какая роль в ней отводится собственно матери, ее родственникам и родственникам мужа. Данная церемония ставит целью включение ребенка в датогское общество, которое на первом этапе жизни ребенка представлено его семьей и членами клана мужа. Возраст младенца к моменту церемонии был равен 14 дням. Однако, по данным наших респондентов, подобные манипуляции с телом ребенка могут производиться в возрасте от семи дней до месяца. Мужа роженицы в момент нашего приезда не было в геде. Он вместе с другими молодыми мужчинами, как уже говорилось, уже несколько месяцев находился со скотом в Ольпиро (район национального парка Нгоро-Нгоро), далеко от дома. В это время был сухой сезон, и в районе Горофани, где располагалась геда Гидобата, ощущалась серьезная нехватка воды. Практика длительных отлучек молодых мужчин (в том числе и женатых) со скотом в поисках пастбищ и водных ресурсов для датога вполне привычна, так что ситуация, которую мы наблюдали, не является исключительной.

В геде Гидобата прижигание решено было провести через три недели после рождения малыша, и ниже мы воспроизводим подробные детали этой церемонии. Мы собрались в доме роженицы примерно в 16 час. (в это время жара уже начинает спадать, а к 18 час. 30 мин. темнеет). К этому моменту были сделаны все необходимые предварительные приготовления. Мать и бабушка удобно расположились друг напротив друга на низеньких традиционных скамеечках, и мать старалась накормить сына Подамани грудью, чтобы он меньше нервничал перед церемонией. Учеса, жена брата мужа (живет в той же геде), принесла и положила перед бабушкой мальчика сухие козьи катышки, длинные колючки акации и глиняный черепок (фрагмент разбитого горшка).

Удабунда намылила голову внуку и стала осторожно сбирать волосы простым бритвенным лезвием. Каждый раз, когда он начинал плакать, бабушка прикладывала его к груди и успокаивала ласковыми словами и поглаживанием. Периодически она передавала ребенка на руки матери и та прижимала сына к груди и ворковала, а бабушка продолжала брить его головку. Она делала это крайне бережно и аккуратно, чтобы свести неприятные ощущения к минимуму. Сбритые волосы падали на земляной пол дома. Когда бритье было завершено, их заботливо собрали и спрятали в комнате роженицы.

Когда Подамани был готов к прижиганию, Учеса внесла в комнату тлеющую деревяшку и положила в разбитый горшок. Она насадила козий катышек на колючку акации и его приложили к тлеющей щепке. Когда он затлел, Удабунда вновь бережно взяла на руки младенца, прижала к себе, приговаривая ласковые слова, и несколько раз приложила раскаленный катышек к центру лба мальчика. Когда ребенок начинал беспокоиться и хныкать, она баюкала его, давала грудь, пела колыбельную и качала.

Обращает на себя внимание тот факт, что бабушка Удабунда давала грудь младенцу на протяжении всей церемонии. Приобщение младенца к семье и клану может происходить, таким образом, по двум каналам: с помощью нанесения знаков на тело, идентифицирующим его как члена датогского общества, и ритуального кормления грудью бабушкой по отцовской линии.

После сбривания волос последовало прижигание области родничка и затылка. Прижигали также две точки на позвоночном столбе – между лопатками и повыше крестца. На этом церемония завершилась. В других семействах младенцу могут прижигать

Следы от прижигания на спине ребенка. Фото М. Драмбяна, 2007

также несколько точек по нижнему краю грудной клетки и область солнечного сплетения.

Прижигание лба, родничка и затылка остаются обязательной процедурой для датога в наши дни и практикуются даже теми родителями, которые перестали вести традиционный образ жизни, закончили школу и перебрались жить в поселки и небольшие городки. Датоги говорят, что голова состоит из отдельных костей, и если не прижечь на ней определенные места, то швы непременно разойдутся и мозг вылезет наружу.

Хотя от прижигания и остаются заметные следы в виде круглых ямок на коже на всю жизнь, сам процесс оказался менее болезненным, чем мы ожидали. Щадящее обращение с младенцем, умелое переключение его внимания на приятные ощущения, комбинация поглаживания, массажа, кормления грудью с кратковременными болевыми процедурами сводят к минимуму травмирование детской психики.

Прижигание младенца – это не испытание, а неизбежная, несколько неприятная процедура, обойти которую для датога не представляется возможным. Негативные переживания ребенка уменьшаются также привычной обстановкой дома, знакомыми лицами матери и близких родственниц, приятным полумраком, вечерней прохладой и положительными эмоциями всех собравшихся. Такие знаки на лице и теле служат важным идентификационным признаком племенной принадлежности. По шраму на лбу датога безошибочно распознают соплеменников и отличают от антропологически близких к ним масаев. Это обстоятельство исключительной важности, так как между датога и масаями существует многовековая вражда (войны, набеги, взаимный разбой с угоном скота). Как было показано в недавнем кросскультурном исследовании, шрамирования, прижигания, болезненные высверливания перегородки носа чаще всего практикуются в тех культурах, которые воюют с другими племенами и не вступают в конфликты между кланами на внутриплеменном уровне (*Sosis et al.* 2007).

Таким образом, свою первую инициацию, связанную с интеграцией в датогское общество, ребенок проходит в первые недели жизни. От иницируемого при этом, конечно же, не требуется мужества или демонстрации стойкости, как это бывает в случае обрезания или скарификации в обрядах инициации подростков. Более того, сама церемония производится с максимальной осторожностью и минимумом неприятных ощущений для ребенка. Сами ожоги неглубокие и имеют диаметр около 5 мм. Ранки быстро заживают, и уже через несколько дней ребенок не чувствует никакого дискомфорта.

Наряду с прижиганием (обязательным для всех датога) отдельные кланы (например, клан Баджута, Каока, Вашан) практикуют также обязательное шрамирование верхних век младенца. Мальшу аккуратно наносят два вертикальных надреза на каждое веко. Считается, что в противном случае у него станут болеть глаза, и он будет страдать от глазных болезней или даже ослепнет.

Кроме того, чтобы ребенок не плакал, производят шрамирование на щеках в виде двух вертикальных надрезов 5 мм длины. На мой вопрос: "Как это связано с плачем?", женщины-датога пояснили: "Соленые слезы попадают в ранки на щеках, и ребенок испытывает жжение всякий раз, когда принимается плакать". Таким образом, данная церемония строится на принципах отрицательного подкрепления, и ее основная цель – не племенная идентификация, а скорее прагматическое желание, чтобы ребенок доставлял минимум неудобств матери и окружающим людям. В настоящее время такие насечки наносят не всем младенцам, а только тем, которые часто плачут.

По окончании церемонии прижигания сбритые волосы младенца отнесли в загон для скота. Как объяснила Удабунда (ее комментарии аналогичны объяснениям других женщин датога), делают это потому, что ребенок еще не умеет ходить, он слаб и беспомощен. По представлениям датога, в это время он очень чувствителен к любым проявлениям злых сил. Незнакомые люди и недоброжелатели могут подобрать его волосы (если выбросить их за ограду геды) или наступить на волосы, если их просто бросить во дворе. Поскольку душа младенца еще непрочна закрепилась в его теле, он может заболеть и даже умереть под влиянием черной магии. Манипуляции с первыми волосами ребенка несколько варьируют у датога от клана к клану. В одних случаях, как было описано выше, их выносят в стойло сразу по окончании церемонии прижигания, в других – прячут под кроватью роженицы, завернув вместе с пуповиной и последом в тряпочку или кусочек кожи, а через некоторое время выносят эти предметы в стойло и там зарывают.

Церемония прижигания у датога производится одинаково для мальчиков и девочек, так что и на этом этапе включения в общество гендерные различия не выражены.

В случае церемонии прижигания у датога особое внимание уделяется голове ребенка, и это обстоятельство представляется не случайным. Как отмечает Фрезер, "многие народы считают голову особо священной частью тела. Это связано иногда с верой в то, что в голове обитает душа, которая весьма чувствительна к обидам и непочтительному отношению. Йоруба – верят, что у каждого человека есть 3 духовные сущности, первая из которых находится в голове. Духу этому приносят жертву домашней птицей, а себе в лоб втирают ее кровь вперемешку с пальмовым маслом" (Фрезер 1998: 247).

Не случайно и включение стрижки волос в общий ритуал инициации младенца. "Стрижка волос, по воззрению первобытного человека, связана с двоякой трудностью или опасностью... Существует опасность потревожить дух головы, который потом может отомстить" (Фрезер 1998: 248). Поэтому данную процедуру проводят с осторожностью и доверяют только избранным: матери или опытной женщине-родственнице. С трудностью сталкиваются при захоронении отрезанных прядей. Нельзя оставлять отрезанные волосы и ногти в тех местах, где они могут исчезнуть или попасть в руки злоумышленников, которые, оказав на них магическое воздействие, станут причиной

гибели человека" (Там же: 248). Поэтому, когда в традиционных культурах младенцам сбривают первые волосы, их стараются надежно спрятать. Эти волосы выполняют магическую функцию, и от их безопасного размещения зависит благополучие и здоровье ребенка. К примеру, южные тетумы (о-в Тимор) проводят обряд первого срезания волос спустя три–шесть недель после рождения, слабым детям – как только мать окрепнет после родов (*Соболева* 1992: 133). Срезанные волосы прятали в ореховую скорлупу, и спустя семь дней закапывали эту скорлупу в источник или под банан, как и пупок, чтобы ребенок рос так же быстро, чтобы головка у него не болела, а была ясной, как вода в источнике (Там же: 134). У осетин считалось, что первые волосы делают ребенка предрасположенным к глазу. Поэтому волосы старались стричь как можно раньше: "Остриженные волосы не выбрасывали, а держали в люльке" (*Дзуцев, Бесаева* 1994: 49).

Вместе с тем в обривании первых волос у датога можно усмотреть также и обряд отделения, за которым вскоре следует прижигание как обряд включения. Цель обрядов включения, по выражению ваяо Восточной Африки, "вести ребенка в мир" (*Ван Геннеп* 2002: 54).

В соответствии с широко распространенными представлениями симпатической магии "между человеком и частями его тела, волосами и ногтями" существует взаимовлияние (*Фрезер* 2006: 54). Человек, завладевший чьими-то волосами или ногтями, в рамках этих представлений может контролировать действия их владельца на любом расстоянии, навязывать ему свою волю. Несомненная связь между волосами, пуповиной и последом, со одной стороны, и благодеянием младенца – с другой, отчетливо прослеживается в наши дни у датога. Первые волосы с головы младенца зарывают в стойле, прячут. Все манипуляции направлены на то, чтобы волосы не оказались в руках чужих людей, способных нанести ребенку вред.

Озабоченность выживанием младенца в традиционных культурах понятна, ведь придя в этот мир, малыш еще не успевает прочно в нем закрепиться. Так, по представлениям нганасан, он "находится на грани двух миров – прибыв с того света, он еще не закрепился в мире людей и в любое время может уйти обратно" (*Бутинов* 1992: 13). Душа младенца, согласно воззрениям нанайцев, "может свободно покидать тело и бродить по разным местам; поэтому на второй-третий день после рождения они совершают обряд "прищемления" ребенка в "среднем мире" (Там же: 13). Прижигание у датога во многом выполняет сходную функцию: ребенка делают похожим на своих соплеменников и накрепко привязывают к датогскому обществу. У осетин для укрепления здоровья ребенка ему в руки клали уголек от очага и выносили во двор или выбрасывали за ним горящее полено или что-нибудь съестное (*Чибилов* 2007: 261). Этот магический прием связывали с культом предков: "уголек из очага как бы призывает предков оградить ребенка, наследника этого очага, от злых сил" (*Хасиев* 1969: 187).

Факт прижигания головы и тела ребенка у датога хорошо понятен в качестве идентификационной метки. Как отмечает М.Б. Медникова, татуировки играют большую роль в обозначении статуса человека, в этом случае их непременно наносят при прохождении "обрядов перехода" (2007: 118). Особое внимание следует обратить на локализацию точек прижигания у датога. Исполнительницы ритуала были сами не в состоянии дать объяснение причин, по которым выбираются фиксированные точки. Но они с уверенностью говорили, что делают это, чтобы обеспечить младенцу крепкое здоровье, и отмечали, что прижигание лба и родничка уберет ребенка от головных болей. Эти представления датога можно считать отголоском ранних верований, широко распространенных в древности. Сходным образом "на островах Бисмарка глубокая скарификация лба производилась с медицинскими целями. Туземцы верили, что глубокие параллельно идущие шрамы, нанесенные на лоб ребенка от двух до пяти лет, уберут его от головной боли и эпилепсии" (Там же: 132). Тот же автор отмечает, что

"следы такой операции отпечатываются на костях свода, подтверждая распространенность подобных обычаев в древности, поскольку археологами найдено немало черепов с подобной особенностью" (Там же).

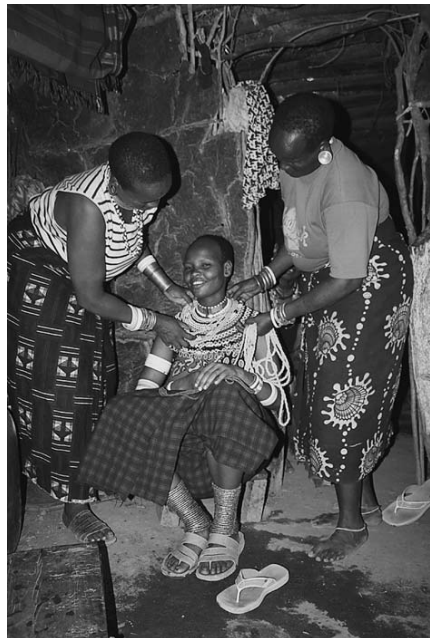
Сопоставив места прижиганий со схемой расположения чакр на теле человека по представлениям индусов, мы обнаружили поразительные соответствия, которые вряд ли являются простым совпадением. Так, первая и важнейшая точка у датога расположена на лбу примерно в том месте, где, по представлениям индийцев, находится шестая чакра (аджна). Напомним, что она считается одной из самых важных, и ее связывают с психической деятельностью. В этой области, согласно воззрениям индусов, располагается третий глаз или око мудрости. Место прижигания родничка соответствует седьмой чакре (сахасрара), крестца – первой чакре (муладхара), солнечного сплетения – третьей чакре (манипура) (*Ледбитер* 1927).

Наконец, зададим себе вопрос: почему датога столь нетерпимо относятся к детскому плачу? Очевидно, дело здесь вовсе не в неудобствах, испытываемых при этом родителями. Для людей традиционной культуры частый плач ребенка видится как нечто аномальное, потенциально угрожающее существованию младенца. Различные ритуалы, предотвращающие или останавливающие плач, широко распространены в традиционной культуре. Нанайцы, к примеру, "вверху над люлькой, почти над головой, вешали изображение фигурки паука *атая*, который своей паутиной якобы скреплял рот плаксы. Полагали, что когда ребенок кричит, он этим извещает о своем ненормальном положении. При крике ребенка мать давала ему, прежде всего грудь, чтобы он утолил голод и жажду. Если ребенок продолжал беспокоиться и ему не помогали никакие амулеты, повешенные на люльке, считалось, что душа его на время плача уходила из него" (*Сем* 1988: 124). В традиционной культуре осетин, если ребенок плохо спал и плакал, ему в изголовье клали левое крыло летучей мыши, так называемое сонное крыло (*Миллер* 1881: 291–292). Аборигены Западного Арнемленда держали новорожденного "лицом вниз над дымящимся костром: считается, что после этого он будет спокойным и хорошим, и не будет слишком много плакать" (*Берндты* 1981: 108).

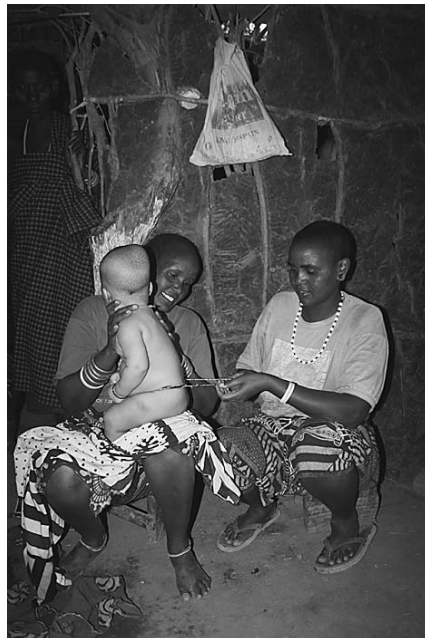
"Гирунод" – церемония выхода из дома матери с младенцем

Через два–шесть месяцев после появления младенца на свет мать должна вынести ребенка из дома и представить родственникам и знакомым. *Гирунод* (вынос ребенка) – еще одна важнейшая церемония жизненного цикла, которая также сопряжена с ритуальным приобщением младенца к родственникам (клану). Данная церемония, на которой мы присутствовали, началась примерно в 16 час. В доме молодой матери собрались женщины-родственницы со стороны мужа. Свекровь посадила невестку на стульчик и стала надевать ей на шею нитки бисерных бус, в том числе и *гаджиджанда* (особые ритуальные бусы, состоящие из бусин темно-красного, желтого и голубого цвета, которые должны быть непременно надеты на женщину во время брачной церемонии, а также в важнейшие моменты ее семейной жизни, в частности, для выноса ребенка из дома). Другая женщина выбрила ей переднюю часть головы, обмыла ноги. На руки и ноги молодой матери одели многочисленные медные браслеты, предварительно протерев их коровьим маслом (чтобы лучше блестели). Наконец, на последнем этапе ее нарядили в кожаное традиционное датогское платье, богато расшитое бисером.

Когда с нарядами для матери было покончено, младенца также обмыли, на ноги, руки и на шею надели бисерные браслеты, а также белый бисерный поясик. На тело Подамани повесили перевязь из шкуры черной овцы. Бабушка Удабунда достала кожаную сумку-конверт, которую датоги называют *хамаройда*, и поместила туда малыша. Хамаройда – это не просто детская переноска; сумка имеет сакральное значение.

Родственницы одевают мать ребенка для церемонии. Фото М.И. Драмбяна, 2007

Родственницы одевают ребенка для церемонии. Фото М.И. Драмбяна, 2007

Ее изготавливают из шкуры коровы, убитой на рождение сына-первенца или на обрезание мальчика. Хотя изготавливают хамаройда на рождение первенца, ее также используют для переноски последующих младенцев.

Сумка с малышом вскоре была привязана сыромятными ремешками к спине бабушки. После этого молодая мать и бабушка с малышом покинули помещение. Во время шествия по двору мать несла в руках лук со стрелами, который переходил в качестве важного атрибута инициации мальчика-первенца в клане Седоек. У входа в жилище их ожидали другие женщины геды и гости-соседи. Когда процессия во главе с матерью и бабушкой подходила к очередному дому в подворье, Учеса (жена брата мужа молодой матери) заходила в дом, брала золу из очага и мазала ею лоб ребенка. Мать и бабушка с внуком за плечами кланялись сидящим в доме людям, говоря: "Хирунуда джифта", что в переводе означает: "Новый ребенок выходит из дома и приветствует семью", а те произносили в ответ приветственные слова и благопожелания. После того, как обход с приветствиями был завершен, с поздравлениями малышу обратились молодые мужчины-соседи и мальчики. Во дворе был разведен огонь и зарезана черная овца. Гости получили угощение (в это время уже совсем стемнело) и, поев, неспешно разошлись по домам.

По рассказам наших респондентов, сама церемония выхода из дома проводится во всех кланах датога без исключения, однако детали ее могут варьироваться. К примеру, в одних случаях мальчику дарят лук и стрелы, в других – нет. В клане *Vajuta* и некоторых других, когда кожаная перевязь на мальчике рвется, ее бережно подбирают и вплетают в качестве одной из тесемок на *калабаши* для сбора молока. Всем детям на вынос из дома одевают бусы, бисерные пояски и браслеты на руки и ноги. В нескольких семьях кузнецов нам сказали, что одаривают при выходе из дома не только маль-

Ребенок в *хамаройда* на церемонии выхода. Фото М.И. Драмбяна, 2007

чиков (лук и стрелы), но и девочек – преподносят нож, чтобы она могла в будущем обрабатывать шкуры и делать другую работу по дому.

Приглашение мальчиков из окрестных подворий на выход из дома также можно рассматривать как обряд включения: на этот раз малыш, присутствуя на ритуальной трапезе с более старшими окрестными мальчишками, объединяется с ними и обретает в их лице защитников и товарищей.

Церемония выхода из дома отличается для мальчиков и девочек. Хотя и в том, и в другом случае она рассматривается как праздничное событие, для мальчика она проводится более пышно. В большинстве кланов девочка не получает при этом никаких подарков. Исключение составляют кузнецы, которые дарят девочке нож (см. выше). Кроме того, на выход из дома родственники мальчика со стороны отца и матери должны (в зависимости от уровня достатка) подарить коров или мелкий рогатый скот, тогда как девочке в большинстве случаев такого подарка не полагается.

Бабушка Удабунда с внуком за плечами и ее родственницы во дворе. Фото М.И. Драмбяна, 2007

Заключение

Завершая статью, подчеркнем, что церемонии прижигания и выхода из дома описаны нами не по материалам воспоминаний пожилых датога. Эти ритуалы повсеместно практикуются в наши дни, как, впрочем, и многие другие церемонии жизненного цикла. Замечательная сохранность традиционных церемоний – обратная сторона маргинального положения датога в современном танзанийском обществе.

В наши дни возможность включенного наблюдения за ритуалами жизненного цикла в этой традиционной культуре, практически не затронутой влиянием модернизационных процессов, большая редкость и огромная удача. Хотя у датога наблюдается некоторая гендерная дифференциация в ритуалах, связанных с рождением и последующим включением младенца в группу (семью, клан), в этой культуре рождение ребенка любого пола рассматривается как радостное событие. Датога не практикуют инфантицида в отношении девочек и обращаются с ними столь же бережно, как и с мальчиками. Хотя все родители мечтают иметь сыновей, что связано скорее с вопросами имущественного наследования (крупный рогатый скот при отсутствии сыновей преимущественно перейдет во владение братьев мужа, а не достанется дочерям – датога говорят, что "скот не должен уходить в другие кланы"), тезис о том, что именно сын – опора в старости и будет заботиться о престарелых родителях, в реальной жизни мало оправдан.

По нашим наблюдениям, матери предпочитают проводить основное время в семьях дочерей, а не сыновей, заботясь о детях дочерей в первую очередь. Отношение мужа к матери жены почтительное и дружественное. В равной степени свекровь существенно помогает невесткам по хозяйству и уходу за детьми и не проявляет никакого деспотизма в их адрес. Подобная система взаимной помощи и заботы между родственниками со стороны жены и мужа, несомненно, в высшей мере адаптивна в условиях кочевого

и полукочевого образа жизни даатога и безусловно способствует успешному выживанию этого этноса.

Церемонии, связанные с рождением ребенка и его приобщением к семье, цементируют межпоколенные узы, а также ритуально фиксируют связи между членами семьи (родственниками со стороны мужа и со стороны жены) и соседями. Подчеркнем, что все без исключения церемонии, проводимые с младенцами, направлены на фиксацию связей его в обществе, вне зависимости от пола ребенка.

Примечания

¹ Полевое исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 0701-18009е); Мы также благодарны Российскому фонду фундаментальных исследований (грант № 0706-000078а), РГНФ (грант № 08-01-00015а), без поддержки которых появление данной статьи было бы невозможно. Мы выражаем благодарность комитету по науке и технологиям Объединенной Республики Танзания за разрешение вести научные исследования среди даатога, а также нашим друзьям даатога за их терпимость и дружескую помощь в нашей работе.

² Третий полевой выезд в Республику Танзания прошел в 2007 г. в следующем составе: д.и.н. М.Л. Бутовская, аспиранты В.Н. Буркова и М.И. Драмбян.

³ *Gheda* по-даатогски означает подворье, окруженное колючей изгородью; может включать несколько жилых домов, подсобные помещения и стойло.

⁴ Канга – полотно ткани в форме большого платка размером примерно 150 × 100 см очень ярких расцветок.

Литература

- Артемова 1992 – Артемова О.Ю. Дети в обществе аборигенов Австралии // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии / Отв. ред. Н.А. Бутинов, И.С. Кон. М., 1992. С. 17–55.
- Берндты 1981 – Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.
- Бутинов 1992 – Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства... С. 5–16.
- Бутовская и др. 2008 – Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Драмбян М.Ю. Церемония прижигания ребенка как инициация включения у даатога северной Танзании // Вестн. РГНФ. Вып. 1. М., 2008.
- Ван Геннеп 2002 – Ван Геннеп А. Обряды перехода. М., 2002.
- Дзуцев, Бесаева 1994 – Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994.
- Калиновская 1995 – Калиновская К.П. Очерки этнологии восточной Африки. М., 1995.
- Калиновская 1998 – Калиновская К.П. Нилоты // Народы и религии мира / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1998.
- Ледбитер 1927 – Ледбитер Ч. Чакры. 1927.
- Медникова 2007 – Медникова М.Б. Неизгладимые знаки. М., 2007.
- Миллер 1881 – Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881.
- Миллер 1926 – Миллер А.А. Жертвенные предметы из осетинских дзуаров // Государственный русский музей. Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л., 1926.
- Сем 1988 – Сем Ю.А. Воспитание детей в традиционной культуре нанайцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / Под ред. И.С. Кона, Ч.М. Таксами. Л., 1988. С. 121–139.
- Соболева 1992 – Соболева Е.С. Социализация детей на о. Тимор // Этнография детства... С. 120–153.
- Таксами 1998 – Таксами Ч.М. Традиционное воспитание детей у нивхов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. С. 96–120.
- Тейлор 1939 – Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
- Токарев 1967 – Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1967.

- Федорова* 1988 – *Федорова Е.Г.* Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири... С. 80–95.
- Фрезер* 2006 – *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М., 2006.
- Хасиев* 1969 – *Хасиев С.А.* О некоторых древних чеченских оберегах // Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Археолого-этнографический сб. Т. 3. Грозный, 1969.
- Чесноков* 1988 – *Чесноков Ю.В.* Некоторые аспекты традиционного воспитания детей в культуре оленных чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири... С. 140–151.
- Чибилов* 2008 – *Чибилов Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.
- Этнография детства 1983 – Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983.
- Этнография детства 1988 – Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988.
- Этнография детства 1992 – Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992.
- Blurton Jones et al.* 2002 – *Blurton Jones N.G., Hawkes K., O'Connell J.F.* Antiquity of Postreproductive Life: Are There Modern Impacts on Hunter-Gatherer Postreproductive Life Spans? // *American journal of human biology.* 2002. Vol. 14. P. 184–205.
- Borgerhoff Mulder* 1992 – *Borgerhoff Mulder M.* Demography of Pastoralists: Preliminary Data on the Datogo of Tanzania // *Human Ecology.* 1992. Vol. 20. P. 383–405.
- Gibson, Mace* 2005 – *Gibson M.A., Mace R.* Helpful grandmothers in rural Ethiopia: A study of the effect of kin on child survival and growth // *Evolution and Human Behavior.* 2005. Vol. 26. P. 469–482.
- Hayase, Liaw* 1997 – *Hayase Y., Liaw K.L.* Factors on Polygamy in Sub-Saharan Africa: Findings Based on the Demographic and Health Survey // *The Developing Economies.* 1997. Vol. 35 (3). P. 293–327.
- Lane* 1991 – *Lane C.* Alineation of Barabaig pastureland: Policy implementations for pastoral development in Tanzania. UK: University of Sussex, 1991.
- Rekdal, Blystad* 1999 – *Rekdal O.B., Blystad A.* "We are as sheep and goats": Iraqw and Datogo discourses on fortune, failure and the future // *The poor are not us: Poverty and pastoralism in Eastern Africa/Eds. D. Anderson, V. Broch-Due.* Oxford, 1999. P. 125–146.
- Sellen et al.* 2000 – *Sellen D.W., Borgerhoff Mulder M., Sieff D.F.* Fertility, offspring quality, and wealth in Datoga pastoralists: Testing evolutionary models of intersexual selection // *Adaptation and human behavior: an anthropological perspective/Eds. L. Cronk, N. Chagnon and W. Irons.* Hawthorne, 2000. P. 91–114.
- Sosis et al.* 2007 – *Sosis R., Kress H., Boster J.* Scars for war: evaluating alternative signaling explanations for cross-cultural variance in ritual costs // *Evolution and Human Behavior.* 2007. Vol. 28. P. 234–247.
- Strassman* 1997 – *Strassman B.* Polygyny is a risk factor for child mortality among the Dogon // *Current Anthropology.* 1997. Vol. 38. P. 688–695.

M.L. Butovskaya, V.N. Burkova. Ceremonies of Incorporation and Separation of the Child as Rites of Passage among the Datogo of Northern Tanzania

The article discusses rituals related to childbirth and subsequent incorporation of the child into the group of Datogo of Northern Tanzania. Drawing on own fieldwork data, the authors analyze the complex world of life-cycle rituals among the Datogo, focusing specifically on those instituted and practiced to ensure the successful entrance of a child into the society, as well as to consolidate efficiently family, generation, and other social links.